

И. П. Попова

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И КАТЕГОРИЯ «ИНТЕРЕС»

© **Попова Ирина Павловна** (irinabaikal@mail.ru), кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, **Восточно-Сибирский институт МВД России**, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110; председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке.

Тема кандидатской диссертации: «Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления». Автор более 60 научных публикаций.

Область научных интересов: сущность, назначение и нравственные основы уголовного судопроизводства, процессуальные решения, судебное разбирательство.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблемных аспектов задач и назначения уголовного судопроизводства. В ходе исследования обосновано, что задача борьбы с преступностью не соответствует предназначению уголовного судопроизводства нового охранительного типа, призванного защищать нарушенные в ходе уголовно-правового конфликта права и интересы. На основании анализа нормы ст. 6 УПК РФ сформулированы выводы о необходимости отражения в ней восстановительного подхода, предложена новая редакция. При формулировании выводов обосновано практическое значение полученных результатов: понимание правоприменителями целевых ориентиров своей деятельности и уголовного процесса как системного явления будет способствовать выбору соответствующей процессуальной формы разрешения уголовно-правового конфликта и снижению не только материальных затрат, но и карательного воздействия. В статье обосновывается вывод, что категория «интерес» лежит в основе уголовно-процессуальной деятельности, а ее реализация возможна с помощью соответствующих процессуальных средств. Уделено внимание низкому доверию к работе системы и подсистем уголовного процесса, в результате чего в доказывании стали применяться нетрадиционные методы, например полиграф. Сформулирован вывод о невозможности использования результатов применения полиграфа в доказывании в связи с тем, что это противоречит свободе оценки доказательств субъектом доказывания.

Ключевые слова: назначение уголовного судопроизводства, задачи уголовного судопроизводства, интерес, средства доказывания, полиграф.

Цитирование. Попова И. П. Назначение уголовного судопроизводства и категория «интерес» // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-2-93-101>.

*I. P. Popova***PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND THE CATEGORY «INTEREST»**

© **Popova Irina Pavlovna** (irinabaikal@mail.ru), Candidate of Legal Sciences, senior lecturer at the Department of Criminal Procedure, **East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia**, 110, Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russian Federation; Chairman of the Ust-Ilimsk City Court of the Irkutsk Region in the honorary resignation.

Subject of Candidate's thesis: «Conviction without sentencing in the Russian criminal proceedings: nature, grounds and order of the decision». Author of more than 60 scientific publications.

Research interests: nature, purpose and moral foundations of criminal proceedings, procedural decisions, court proceedings.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of problematic aspects of the tasks and purpose of criminal proceedings. The study substantiated that the task of combating crime does not correspond to the purpose of criminal proceedings of a new protective type, designed to protect the rights and interests violated during the criminal law conflict. Based on the analysis of the norms of Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, conclusions are drawn up on the need to reflect in it the restoration approach, a new edition is proposed. In formulating conclusions, the practical significance of the results obtained is substantiated: law enforcement officers understand the targets of their activities and the criminal process as a systemic phenomenon will help to choose the appropriate procedural form for resolving a criminal law conflict and reduce not only material costs, but also punitive impact. The paper substantiates the conclusion that the category of “interest” lies at the basis of criminal procedure, and its implementation is possible with the help of appropriate procedural means. Attention is paid to the low confidence in the work of the system and the subsystems of the criminal process, as a result of which non-traditional methods, such as a polygraph, have been used in proof. The conclusion is formulated about the impossibility of using the results of the use of polygraph in proof in connection with the fact that this contradicts the freedom to evaluate evidence by the subject of proof.

Key words: appointment of criminal proceedings, tasks of criminal proceedings, interest, means of proof, polygraph.

Citation. Popova I. P. *Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva i kategoriya «interes»* [Purpose of criminal proceedings and the category «interest»]. *Iuridicheskii vestnik Samarского universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 2, pp. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-2-93-101> [in Russian].

В действующем уголовно-процессуальном законе, в отличие от УПК РСФСР 1960 г., не содержится норм, раскрывающих цели и задачи уголовного судопроизводства. Внедрение законодателем термина «назначение» породило научную дискуссию о соотношении данного понятия с ранее использовавшимися терминами «цель» и «задачи» [1–3]. Вместе с тем представляется, что эффективность уголовного судопроизводства, оптимизация практической деятельности правоприменителей, участников уголовного процесса находятся в прямой зависимости не только от терминологической ясности, но и от разрешения методологических задач, в свою очередь, составляющих базис законодательной деятельности. Понимание сущности уголовно-процессуальной деятельности будет способствовать пониманию конкретных задач, стоящих перед должностными лицами и органами, осуществляющими производство по уголовному делу.

Задачи уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. заключались в быстром и полном раскрытии преступлений, избличении виновных и обеспечении правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Уголовное судопроизводство, по мнению законодателя, должно было способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития. Постановка таких задач обуславливала в качестве главной цели уголовного процесса борьбу с преступностью, а в ка-

честве главных задач – раскрытие преступлений и неотвратимость уголовной ответственности.

Принятие Конституции РФ, УПК РФ и подписание ряда международных договоров и конвенций изменило приоритеты целей уголовно-процессуального законодательства, определив их как защиту прав и законных интересов личности. Эти изменения коснулись и назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. Так, Е. В. Марковичева верно отмечает, что «целевая установка, нашедшая свое законодательное закрепление в ст. 6 УПК РФ, ориентирует правоприменителя на разрешение уголовно-правового конфликта допустимыми законом средствами и, в первую очередь, в интересах потерпевшего [4, с. 281].

Существующая модель правосудия, закрепленная в УПК РФ, определяет порядок уголовного судопроизводства и выступает в качестве ориентира для правоприменителя. В этой связи сохраняет свою актуальность высказывание С. А. Шейфера о том, что эффективность любой, в том числе и уголовно-процессуальной, деятельности зависит от правильного выбора и умелого использования приемов и операций, обеспечивающих достижение ее целей [5, с. 92].

Понимание целей и задач уголовного судопроизводства позволяет в целом определить те ценностные ориентиры, которые охраняются посредством реализации норм уголовно-процессуального права. Решение задач при производстве по уголовному делу способствует достижению назначения уголовного судопроизводства.

Если рассматривать цель как конечный результат уголовного судопроизводства, то он предусматривает рассмотрение главного вопроса – виновности или невиновности и правовых последствиях этого решения: в случае невиновности – прекращение уголовного преследования, оправдание и реабилитация невиновного, в случае доказанности виновности – разрешение вопроса о наказании виновного: 1) в установленных законом случаях – осуждение без назначения наказания; 2) назначение осужденному наказания, подлежащего отбыванию; 3) назначение наказания и освобождение осужденного от его отбывания.

В конечном итоге именно с помощью норм уголовно-процессуального закона государство обеспечивает жизнедеятельность и реализацию норм материального уголовного права. Через норму ст. 6 УПК РФ прослеживается взаимосвязь материального и процессуального права. Назначение уголовного судопроизводства в целом можно рассматривать как восстановление нарушенной преступлением справедливости, для достижения чего предполагается раскрытие преступления, установление виновного, но уже не предусматривается неотвратимость его уголовной ответственности.

В условиях состязательного уголовного процесса тезис о борьбе с преступностью как цели уголовного процесса утрачивает смысл, но между тем сохраняется актуальность обеспечения кон-

троля над уровнем преступности на социально терпимом уровне, что не нашло отражения в ст. 6 УПК РФ. В данной норме, отражающей социальное предназначение уголовного судопроизводства, законодателем сформулированы не исчерпывающие, а наиболее социально значимые результаты, достижение которых ожидаемо как обществом и государством, так и конкретной личностью, от осуществления данного вида государственной деятельности. В этой связи особое значение приобретает выработка наиболее важных направлений уголовно-процессуальной политики, в свою очередь определяющей соответствующие приоритеты развития уголовного процесса нового охранительного, гуманистического типа.

С учетом назначения и целей уголовного судопроизводства определяются конкретные задачи, составляющие основу для формулирования принципов, определяющих нормы уголовно-процессуального права, в свою очередь регламентирующие уголовно-процессуальную деятельность всех участников. Разрешение уголовно-правового конфликта, возникшего в результате совершения преступления, образует взаимосвязи между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим. Кроме того, стороной в уголовно-правовом конфликте в случае нарушения публичных интересов является и государство, взявшее на себя обязательства по защите установленных норм и правил поведения в обществе. Участники данного юридического конфликта с различными, в том числе противостоящими друг другу, интересами обладают соответствующим процессуальным статусом, призванным обеспечить достижение баланса указанных интересов.

Категория «интерес», будучи предметом исследования различных отраслей научных знаний, рассматривается с дифференциальных позиций и в пределах одной отрасли. С точки зрения философии интерес представляет осознанное желаемое благо [6, с. 185]. В педагогике рассматривается познавательный интерес как в качестве основы образовательного процесса, так и в качестве устойчивой черты личности обучаемого, способной оказывать сильное влияние на его развитие [7].

В социологии А. А. Борисенков, разграничивая понятия потребностей и интереса, полагает, что удовлетворение человеческой потребности опосредовано реализацией соответствующего интереса, заключенного в присвоении предмета данной потребности. В свою очередь, национальные интересы автор определяет на основе сущности и особенностей индивидуальных интересов, выступающих своеобразным ключом [8, с. 139–140]. Приведенной позиции не противоречит, по сути, и мнение В. И. Ильина, который, исследуя тесную взаимосвязь категорий потребностей и интереса, определяет объективный интерес как объективно оптимальный путь к удовлетворению потребности [9].

В науке уголовно-процессуального права категория «интерес» также привлекает внимание ученых. Так, Л. Н. Масленникова рассматривает

интерес в российском уголовном процессе в качестве главной пружины, приводящей в действие механизм функционирования уголовного судопроизводства. «Именно поэтому уголовное судопроизводство как объект познания и построения наиболее оптимального варианта представляет собой деятельность субъектов с множеством внутренних и внешних взаимосвязей, обладающих признаками как публичной (публичное начало), так и частной природы (диспозитивное начало)», – обоснованно пишет автор [10, с. 79].

И. В. Смолькова и Р. В. Мазюк справедливо полагают, что в российском уголовном судопроизводстве следует рассматривать процессуальный интерес, под которым они понимают нормативно допустимое, обусловленное осуществляемой функцией целеполагающее отношение участника уголовного судопроизводства к производству какого-либо процессуального действия или принятию какого-либо процессуального решения по уголовному делу [11, с. 161–162].

Несмотря на явные различия в подходах к понятию «интерес» в различных отраслях науки, нельзя отрицать как глобальное значение этой категории и ее сущности для каждой из них, так и важность единого вывода о том, что именно интерес лежит в основе всякой деятельности, а ее эффективность напрямую обусловлена поиском соотношения интересов участников отношений, возникающих в связи с этой деятельностью.

Обращает на себя внимание, что в большинстве исследований поиск ответов на указанные сложные вопросы обусловлен не столько желанием авторов сформулировать само понятие «интерес», сколько задачей определения средств повышения эффективности деятельности, в рамках которой реализуется интерес.

Так, рассматривая необходимость преодоления «диалектической пропасти» межличностных отношений в менеджменте, В. Н. Верхоглазенко образно формулирует актуальную задачу выстроить так называемый надежный мост между поллярными базовыми интересами, с одной стороны, предпринимателя о минимизация заработной платы работнику при достижении его максимальной энергетической отдачи, а с другой стороны, базовыми интересами работника, направленными на минимизацию энергетической отдачи при стремлении к максимальной заработной плате. При этом указанным автором обоснованно в качестве главной темы в вопросах менеджмента рассматривается человек [12].

Значение личности в уголовном судопроизводстве также является главной темой, лежит в основе общеправового принципа гуманизма, реализуемого при разрешении уголовно-правового конфликта. Как верно отмечает В. А. Лазарева, переосмысление положения человека в обществе, его взаимоотношений с государственной властью не могло не повлиять на представления о характере уголовного судопроизводства, его назначении и принципах [13, с. 543].

Рассмотрение механизмов повышения мотивации участников уголовного судопроизводства, по сути, является поиском успешных средств оптимизации уголовно-процессуальной формы в целях баланса интересов сторон при достижении назначения уголовного судопроизводства. В этой связи актуальным вектором реформирования уголовно-процессуальной формы выступает анализ эффективности применения существующих компромиссных механизмов при реализации поощрительных норм права и на этой основе нормативная регламентация более широкого перечня возможных способов разрешения уголовно-правового конфликта.

Отсутствие мотивационно-поощрительных механизмов при реализации норм уголовного права может нивелировать процессуальный статус участников уголовного процесса, чей интерес будет «заморожен» в статичном состоянии комплекса прав, предоставленных им уголовно-процессуальным законом, но не приведет к желаемому результату – достижению назначения уголовного судопроизводства, выраженного в первую очередь в восстановлении нарушенных законных прав и интересов. Исключение, впрочем, может касаться лишь профессиональных участников уголовно-процессуальной деятельности, обязанных в силу закона ее осуществлять. Но в этом случае имеется существенный риск работы «системы ради системы», и тогда цель такой деятельности может привести к печально известным в российской истории деформациям самовоспроизводства системы, не только не приводящей в итоге к защите нарушенных преступлением правоотношений, но и к ситуации, в целом дополнительно усугубляющей положение жертвы преступления.

Представляется вполне логичным заключить из этого следующий вывод: система сама может и должна быть заинтересована в продуктивности деятельности ее элементов, обеспечивающих потребность в существовании самой системы. Думается, излишне аргументировать, что такое явление, как «интерес», лежит в основе каждой стадии производства по уголовному делу, пронизывает нормы уголовно-процессуального права от момента начала до окончания реализации уголовно-процессуальных отношений, служит основой процессуального статуса субъектов этих отношений, а также находит отражение в уголовно-процессуальной форме, призванной прежде всего обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно, выступить гарантом защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Н. А. Колоколов, рассматривая уголовное судопроизводство как разновидность уголовной политики, особые общественные отношения, возникновение и существование которых обусловлено способностью социума при необходимости генерировать механизм разрешения конфликтов на основе норм права, обеспечиваемый мощью государ-

ства [14, с. 84], вместе с тем точно подмечает, что система уголовного судопроизводства – не более чем одна из государственных подсистем, причем в их ряду далеко не самая важная. Указанный автор, подчеркивая, что у государства не одна цель, а их иерархия, обоснованно обращает внимание на взаимообусловленность эффективности работы системы (фактически подсистемы) УПК РФ от схемы сложения активностей всего ряда подсистем. Н. А. Колоколов справедливо обращает внимание на важность роли личности в организации уголовного судопроизводства, рассматривая идеологию кадрового корпуса чиновников и адвокатов, вовлеченных в механизм уголовного процесса, в качестве одной из основ эффективности функционирования этой системы [15, с. 20].

Следует солидаризироваться с И. Б. Михайловской в том, что на уровне функционирования всей системы уголовного судопроизводства целью является разрешение конфликта между личностью и государственной властью с наименьшими негативными последствиями для общества. И. Б. Михайловская обоснованно полагала, что предлагаемая трактовка социального назначения избираемой законодателем процессуальной формы позволяет выявить критерии оценки вводимых институтов в более широком плане – характеризует изменения в отношении личности и государства [16, с. 6–7].

Наряду с этим представляется важным подчеркнуть, что, помимо четкого понимания целей своей деятельности, правоприменитель остро нуждается в каком-то резерве времени для уяснения сути изменений закона. Думается, очевидно и то, что эффективность любого закона достигается различными путями, в том числе благодаря стабильности самого закона, единообразному толкованию и пониманию закона правоприменителями.

В этой связи следует солидаризироваться с мнением С. А. Шейфера о том, что не снижающий своей динамики процесс обновления уголовно-процессуального законодательства ставит исследователя в сложное положение, побуждая осмыслить многочисленные, не всегда ясные по цели и внутренне не согласованные законодательные новеллы [17, с. 322]. Уместно дополнить, что еще в более трудной ситуации, нежели ученые, находятся правоприменители, которые, действуя в условиях многозадачности и при повышенных нагрузках в рамках системы уголовного процесса и подсистем в рамках своих профессиональных структур, не имеют четких целевых ориентиров своей деятельности и, как следствие, не могут оценить ее результаты.

Для функционирования системы уголовного процесса важна и оценка ее деятельности обществом, выражающим как интерес конкретной личности, так и суммарный интерес. Низкий уровень доверия к профессиональным участникам уголовно-процессуальной деятельности стабильно отмечается в социологических опросах. Так, свидетельством отрицательной оценки деятельности правоохранительных органов и судебной системы

со стороны общества являются многочисленные «параллельные расследования» громких преступлений, проводимых масс-медиа в прайм-тайм на центральных каналах телевидения с использованием самого популярного и, по мнению зрителей, объективного способа доказывания путем опроса на полиграфе. По сути, профессиональной деятельности следователя, производящего допрос, противопоставляется техническое устройство, и специалист, в отсутствие соответствующих методик раскрывает результаты его применения и утверждает: «Это – ложь!», «Это – правда!», а вердикт выносят зрители в зале! Зачастую при этом под возмущение присутствующих в зале зрителей освещается ход расследования и судебного разбирательства, чем, в свою очередь, подрывается авторитет органов, осуществляющих уголовное преследование, судебной системы и в целом государственной власти.

Об опасности проникновения «нетрадиционных приемов доказывания» в систему следственных действий и доказывания отмечают разные авторы. Так, С. А. Шейфер отрицательно оценивал попытки внедрить в систему следственных действий «нетрадиционные приемы доказывания», одним из которых рассматривал испытание на полиграфе. Кроме расхождения в позициях организаторов психофизиологической экспертизы в основных проблемах ее применения, что ставит под сомнение пригодность данной экспертизы к решению задач судопроизводства, С. А. Шейфер указывал, что ее главный недостаток, препятствующий использованию ее результатов в целях доказывания, состоит в несоответствии этого приема научным основам доказывания. Справедливы и выводы С. А. Шейфера о том, что поспешные и методологически не оправданные предложения о включении в систему ряда сомнительных приемов могут не только ослабить, но и разрушить систему и все судопроизводство в целом [18].

И. В. Смолькова также полагает, что рекомендации, не имеющие под собой научной базы, научной достоверности, должны быть вообще исключены из арсенала криминалистики, это очевидное положение не нуждается в доказательствах, ставка на такие методы может привести только к одному – беззаконию и произволу. По ее мнению, так называемые нетрадиционные методы все чаще стали использоваться при раскрытии и расследовании преступлений, данное явление приобретает массовый характер, что не может не вызывать тревоги и опасений со стороны ученых-процессуалистов. Опасения автора справедливо вызывает и то, что распространенность подобных тенденций, замена научных подходов к проблемам получения доказательств псевдонаучными создают серьезную угрозу основам уголовного судопроизводства. По мнению И. В. Смольковой, во всех этих рекомендациях главное внимание акцентируется на методах получения информации при полном игнорировании прав личности, попавшей в сферу уголовного судопроизводства [19].

В указанном аспекте дискуссионной представляется точка зрения А. Н. Халикова, который полагает, что в рамках уголовного судопроизводства полиграф может быть применен при доказывании обстоятельств незаконности и необоснованности обвинения с одновременным запретом его использования для доказывания обвинения лица в совершении преступления [20]. Возможность использования полиграфа стороной защиты отмечают и другие авторы [21].

Представляется, что такого рода «асимметрия» в использовании полиграфа как технического средства, скорее всего, уместна при оценке ориентирующей информации в рамках первоначальных действий оперативных работников, но не может приветствоваться в качестве средства доказывания, к тому же в нарушение прав равенства сторон. Кроме того, использование полиграфа в рамках оперативно-розыскной деятельности нуждается в создании дополнительных правовых гарантий лиц, опрос которых производится с использованием данного технического средства. Между тем в отсутствие нормативной регламентации формируется противоречивая судебная практика: в одних случаях в судебных решениях исключаются из числа доказательств результаты применения полиграфа [22; 23], в других – результаты применения полиграфа были использованы в доказывании в качестве заключения специалиста [24, с. 24] или судебной психофизиологической экспертизы [25] и даже в качестве иных документов [26] и показаний свидетеля, проводившего опрос подсудимого с использованием полиграфа [27].

Проблема единой методики проведения исследований на полиграфе и проверки научной обоснованности полученных выводов является не единственным препятствием для использования результатов применения полиграфа в доказывании. Более существенным в этом аспекте является фактическое приращение использованию результатов применения полиграфа соответствующей процессуальной формы, что противоречит принципам уголовного судопроизводства, в числе которых свобода оценки доказательств субъектами доказывания, но отнюдь не передоверие этих задач техническим устройствам, выдающим вероятный результат, или специалистам, производящим интерпретацию полученных результатов.

Таким образом, достижение назначения уголовного процесса возможно с использованием соответствующих процессуальных средств, а изменение теоретических представлений о сущности уголовного судопроизводства на основе парадигмы «преступление – наказание» и закономерный переход к парадигме «преступление – виновность» должно найти отражение в законе. Наказание, как таковое, при этом не исключается, но не является самоцелью, а рассматривается как один (но не единственный) из возможных способов реагирования государства на преступление. Указанные концептуальные изменения свидетельствуют о необходимости пересмотра действующей кара-

тельной парадигмы российского уголовного судопроизводства, имеющей своей целью назначение осужденному справедливому наказанию.

Вместе с тем в ч. 2 ст. 6 УПК РФ допущена ошибка законодателем, так как указанная норма допускает «назначение наказания невиновным». Следует отметить, что толкование указанной нормы предполагает возможность освобождения невиновных от наказания, чем допускается возможность привлечения невиновного к уголовной ответственности, тогда как невиновные должны быть оправданы. Нормы института освобождения от наказания могут быть применены только к осужденным, то есть к виновным. Постановка такой задачи уголовного процесса, как освобождение от наказания невиновных, в силу этого не имеет юридического смысла, так как невиновным не может быть назначено наказание.

Представляется, ошибочно рассматривать освобождение от наказания невиновных в качестве назначения уголовного процесса, и с учетом изложенного представляется необходимым изложить ч. 2 ст. 6 УПК РФ исключить указание на «освобождение от наказания невиновных», так как это некорректная формулировка, использованная законодателем.

Следует обратить внимание еще на одну не совсем точную формулировку, использованную законодателем в ч. 2 ст. 6 УПК РФ, в частности, указание на назначение виновным справедливого наказания не охватывает в полной мере всех видов решений, принимаемых по результатам уголовного преследования. Представляется, что законодатель не совсем удачно дважды указал в одном предложении термин «назначение», используя их в различных смыслах. Назначение уголовного судопроизводства должно соответствовать задачам уголовного закона, иное может породить коллизии в правоприменении, вместе с тем в УК РФ не указано в качестве задачи назначение справедливого наказания (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

Для обеспечения баланса в защите и восстановлении интересов государства и личности, пострадавших от преступления, в условиях переходной модели парадигмы правосудия (от карательной к восстановительной) представляется оправданным разумное снижение карательного воздействия государства на личность, не противоречащее назначению уголовного судопроизводства и его принципам. Думается, что отказ от такого элемента, как «назначение справедливого наказания», позволяет определить современную модель уголовного судопроизводства, отражающую стремление к восстановлению нарушенной преступлением справедливости. Кроме того, это будет свидетельствовать об отказе от карательной модели в современной парадигме уголовного судопроизводства. Напротив, сохранение справедливого наказания в качестве цели уголовного правосудия обоснованно может расцениваться как единственно возможная реакция государства на преступление, что не соответствует современным общественным отношениям.

Современная парадигма уголовного судопроизводства характеризуется как переходная от карательной к восстановительной. В связи с этим ч. 2 ст. 6 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «2. Уголовное преследование и признание виновным в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, их оправдание, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». Новая редакция позволяет более четко сформулировать назначение уголовного судопроизводства, при этом отдельные его аспекты, приведенные в двух частях ст. 6 УПК РФ, не вступают в противоречие между собой. Указанные предложения в практическом значении будут способствовать уяснению целевых ориентиров правоприменителями при выборе процессуальной формы разрешения уголовно-правового конфликта при минимальных временных и материальных затратах. В досудебном производстве данные предложения нацелены способствовать решению промежуточной для уголовного судопроизводства в целом, но обязательной и ключевой для этого этапа производства по делу задачи совершенствования расследования и раскрытия преступлений.

Библиографический список

1. Фролов Ю. А. Назначение, цели и задачи уголовного процесса // Юрист-Правоведь. 2006. № 1 (16). С. 30–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36239631>.
2. Тарнавский О. А. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3 (109). С. 147–150. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=14805342>.
3. Володина Л. М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия Алтайского государственного ун-та. 2015. № 2–2 (86). С. 14–18. URL: <http://izvestia.asu.ru/ru/article/724>. DOI: 10.14258/izvasu(2015)2.2-02.
4. Марковичева Е. В. О примирении сторон в современном российском уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2016. № 5. С. 281–286. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26739626>.
5. Шейфер С. А. Познавательная функция и процессуальная характеристика следственных действий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 5. С. 92–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23794137>.
6. Кузьмина А. В. Категория «интерес» в философии и праве. М.: Юрид. лит., 2009. 192 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20104988>.
7. Шонин М. Ю. О познавательном интересе в процессе обучения // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 1. С. 27–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30585416>.
8. Борисенков А. А. Понятие индивидуального интереса как фактор объяснения национальных интересов // Евразийский союз: Вопросы международных отношений. 2016. Вып. 1 (15). С. 127–142. URL: http://www.souzpolitolog.ru/ru/ES_1_2016.php.
9. Ильин В. И. Социология потребления. URL: <http://www.consumers.narod.ru/author.html> (дата обращения: 28.04.2019).
10. Масленикова Л. Н. Факторы, определяющие развитие уголовного судопроизводства в России // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. С. 78–83. URL: <https://www.uaj.net/node/441>.
11. Смолькова И. В., Мазюк Р. В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 156–169. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).156-169.
12. Верхоглазенко В. Н. Мост между интересами // Живая психология. 2016. Т. 3. № 4. С. 295–302. URL: <https://bgscience.ru/lib/37474>.
13. Лазарева В. А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина (назначение уголовного судопроизводства) // Lex Russica. 2010. № 3. С. 540–550. URL: http://lexrussica.ru/articles/article_579.html.
14. Колоколов Н. А. Уголовное судопроизводство: стратегия и тактика // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 79–84. URL: http://mosumvd.com/izdatelskaya-deyatelnost-periodicheskie-izdaniya/vestnik-moskovskogo-universiteta-mvd-rossii/polnotekstovye-nomera-zhurnalov/polnotekstovye-nomera-zhurnalov-za-2016-god/2016-04_vmosumvd.pdf.
15. Колоколов Н. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: модернизационный ресурс // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 19–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28993813>.
16. Михайловская И. Б. Изменение законодательной модели российского уголовного судопроизводства. М.: Проспект, 2016. 80 с. URL: https://fictionbook.ru/author/inga_borisovna_mihayilovskaya/izmenenie_zakonodatelnoy_modeli_rossiy/read_online.html.
17. Шейфер С. А. Новеллы УПК РФ – новые проблемы! // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Самарский университет, 2010. Вып. 5. С. 322–328. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Aktualnye-problemy-sovremennogo-ugolovno-go-processa/Novelly-UPK-RF-novye-problemy.pdf>.
18. Шейфер С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica. 2015. № 10. С. 115–127. DOI: 10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127.
19. Смолькова И. В. Нетрадиционные методы расследования преступлений и доказывание // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 30–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29221661>.
20. Халиков А. Н. Соотношение криминалистических и процессуальных задач при проведении специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа // Российский следователь. 2016. № 4. С. 12–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25594631>.
21. Жигалов Н. Ю., Глухова М. А. О значении исследования судом присяжных заседателей результатов психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 89–95. URL: http://vestnikesiirk.ru/images/Arch/2018_487.pdf.

22. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 07.02.2018 № 41-АПУ18-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. Архив Омского районного суда Омской области. Уголовное дело №1-17/2018. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/zAY3L4hvKaYC>.

24. Архив Ангарского городского суда Иркутской области. Уголовное дело № 1-522/2013. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/9vsSb55sM0QJ>.

25. Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга. Уголовное дело № 1-189/2016. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/JoyNjWF3306q>.

26. Архив Ленинского районного суда г. Новосибирска. Уголовное дело № 1-143/2018. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/tnLK282fnYdO>.

27. Архив Киренского районного суда Иркутской области. Уголовное дело № 1-56/2013. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/qEqGtibDQiWT>.

References

1. Frolov Yu. A. *Naznachenie, tseli i zadachi ugolovnogo protsessa* [Assignment, goals and objectives of the criminal process]. *Yurist"-Pravoved"* [Jurist-Pravoved], 2006, no. 1 (16), pp. 30–34. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36239631> [in Russian].

2. Tarnavskiy O. A. *K voprosu o naznachenii ugolovnogo sudoproizvodstva* [To the question about criminal proceeding's purpose]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2010, no. 3 (109), pp. 147–150. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=14805342> [in Russian].

3. Volodina L. M. *Naznachenie, funktsii i zadachi ugolovnogo sudoproizvodstva* [The Purpose, Functions and Tasks of Criminal Procedure]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo un-ta* [Izvestiya of Altai State University Journal], 2015, no. 2-2 (86), pp. 14–18. Available at: <http://izvestia.asu.ru/ru/article/724/>. DOI: 10.14258/izvasu(2015)2.2-02 [in Russian].

4. Markovicheva E. V. *O primirenii storon v sovremennom rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve* [On conciliation of parties in the current Russian criminal proceedings]. *Biblioteka kriminalista* [Criminalist's Library], 2016, no. 5, pp. 281–286. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26739626> [in Russian].

5. Shafer S. A. *Poznavatel'naya funktsiya i protsessual'naya kharakteristika sledstvennykh deistvii* [Cognitive essence and legal procedure characteristic of investigation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Pravovedenie], 1980, no. 5, pp. 92–98. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23794137> [in Russian].

6. Kuz'mina A. V. *Kategoriya «interes» v filosofii i prave* [Category «interest» in philosophy and law]. M.: Yurid. lit., 2009, 192 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20104988> [in Russian].

7. Shonin M. Yu. *O poznavatel'nom interese v protsesse obucheniya* [About Formation of Cognitive Interest in the Course of Training]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2017, no. 1, pp. 27–31. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30585416> [in Russian].

8. Borisenkov A. A. *Ponyatie individual'nogo interesa kak faktor ob'yasneniya natsional'nykh interesov* [The Concept of an Individual Interest as a Factor Explanation of National Interest]. *Evrasiiskii soyuz: Voprosy mezhdunarodnykh otnoshenii* [Eurasian Union: Issues of International Relations], 2016, Issue 1 (15), pp. 127–142. Available at: http://www.souzpolitolog.ru/ru/ES_1_2016.php [in Russian].

9. Il'in V. I. *Sotsiologiya potrebleniya* [Sociology of consumption]. Available at: <http://www.consumers.narod.ru/author.html> (accessed 28.04.2019) [in Russian].

10. Maslennikova L. N. *Faktory, opredelyayushchie razvitie ugolovnogo sudoproizvodstva v Rossii* [Factors determining the development of criminal proceedings in Russia]. In: *Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen. Izbrannye materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 6–8 oktyabrya 2010 goda. Sost. A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskii* [Criminal justice: the link of times. Selected materials of the international research conference. St. Petersburg, October 6–8, 2010. Compilers A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskii]. M.: ZAO «Aktion-Media», 2012, pp. 78–83. Available at: <https://www.iaaj.net/node/441> [in Russian].

11. Smolkova I. V., Mazyuk R. V. *Zakonnye, nezakonnye i protsessual'nye interesy obvinyaemogo v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Legal, illegal and procedural interests of the accused person in Russian criminal procedure]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gos. un-ta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law], 2016, Vol. 10, no. 1, pp. 156–169. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).156-169 [in Russian].

12. Verkhoglazenko V. N. *Most mezhdru interesami* [The bridge between interests]. *Zhivaya psikhologiya* [Russian Journal of Humanistic Psychology], 2016, Vol. 3, Issue 4, pp. 295–302. Available at: <https://bgscience.ru/lib/37474> [in Russian].

13. Lazareva V. A. *Ugolovnyi protsess kak sposob zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina (naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva)* [Criminal procedure as a way to protect the rights and freedoms of man and citizen (appointment of criminal proceedings)]. *Lex Russica*. 2010, no. 3, pp. 540–550. Available at: http://lexrussia.ru/articles/article_579.html [in Russian].

14. Kolokolov N. A. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: strategiya i taktika* [The criminal proceedings: strategy and tactics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 4, pp. 79–84. Available at: http://mosumvd.com/izdatelskaya-deyatelnost/periodicheskie-izdaniya/vestnik-moskovskogo-universiteta-mvd-rossii/polnotekstovye-nomera-zhurnalov/polnotekstovye-nomera-zhurnalov-za-2016-god/2016-04_vmsumvd.pdf [in Russian].

15. Kolokolov N. A. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: modernizatsionnyi resurs* [Code of criminal procedure: modernizing resource]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Vestnik of economic security], 2016, no. 5, pp. 19–23. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28993813> [in Russian].

16. Mikhailovskaya I. B. *Izmenenie zakonodatel'noi modeli rossiiskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Changes in the legislative model of the Russian criminal justice]. M.: Prospekt, 2016, 80 p. Available at: https://fictionbook.ru/author/inga_borisovna_mihayilovskaya/izmenenie_zakonodatel'noy_modeli_rossiyi/read_online.html [in Russian].

17. Shafer S. A. *Novelly UPK RF – novye problemy!* [Novels of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation – new problems!]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo protsessa Rossii: mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of the modern criminal process in Russia: interuniversity collection of research papers]. Samara: Izd-vo Samarskii universitet, 2010, Issue 5, pp. 322–328. Available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Aktualnye-problemy-sovremennogo-ugolovnogo-processa/Novelly-UPK-RF-novye-problemy.pdf> [in Russian].

18. Shafer S. A. *Sledstvennyye deistviya – pravomerny li novye traktovki?* [Investigative action – the legitimacy of new interpretation]. *Lex Russica*, 2015, no. 10, pp. 115–127. DOI: 10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127 [in Russian].
19. Smolkova I. V. *Netraditsionnyye metody rassledovaniya prestuplenii i dokazyvanie* [Non-traditional Methods of Investigating Crimes and Proving]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2017, no. 5, pp. 30–34. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29221661> [in Russian].
20. Khalikov A. N. *Sootnoshenie kriminalisticheskikh i protsessual'nykh zadach pri provedenii spetsial'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa* [Interrelation of criminalistic and procedural tasks at carrying out special psychophysiological research with use of the polygraph]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2016, no. 4, pp. 12–16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25594631> [in Russian].
21. Zhigalov N. Yu., Glukhova M. A. *O znachenii issledovaniya sudom prisyazhnykh zasedatelei rezul'tatov psikhofiziologicheskoi ekspertizy s ispol'zovaniem poligrafa* [On the significance of the study the trial by jury of the results of psychophysiological examination using a polygraph]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2018, no. 4 (87), pp. 89–95. Available at: http://vestnikesiirk.ru/images/Arch/2018_487.pdf [in Russian].
22. *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 07.02.2018 № 41-APU18-1* [Appellate decision of the Supreme Court of the Russian Federation as of 07.02.2018 № 41-APU18-1]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].
23. *Arkhiv Omskogo raionnogo suda Omskoi oblasti. Ugolovnoe delo №1-17/2018* [Archive of the Omsk District Court of the Omsk Region. Criminal case № 1-17/2018]. Available at: <https://www.sudact.ru/regular/doc/zAY3L4hvKaYC> [in Russian].
24. *Arkhiv Angarskogo gorodskogo suda Irkutskoi oblasti. Ugolovnoe delo № 1-522/2013* [Archive of the Angarsk city court of the Irkutsk Region. Criminal case № 1-522/2013]. Available at: <https://www.sudact.ru/regular/doc/9vsSb55sM0QJ> [in Russian].
25. *Arkhiv Zheleznodorozhnogo raionnogo suda g. Ekaterinburga. Ugolovnoe delo № 1-189/2016* [Archive of the Zheleznodorozhny District Court of Yekaterinburg. Criminal case № 1-189/2016]. Available at: <https://www.sudact.ru/regular/doc/JoyNjWF3306q> [in Russian].
26. *Arkhiv Leninskogo raionnogo suda g. Novosibirsk. Ugolovnoe delo № 1-143/2018* [Archive of the Leninsky district court of Novosibirsk. Criminal case № 1-143/2018]. Available at: <https://www.sudact.ru/regular/doc/tnLK282fnYdO> [in Russian].
27. *Arkhiv Kirenskogo raionnogo suda Irkutskoi oblasti. Ugolovnoe delo № 1-56/2013* [Archive of the Kirensk district court of the Irkutsk Region. Criminal case № 1-56/2013]. Available at: <https://www.sudact.ru/regular/doc/qEqGtibDQiWT> [in Russian].